
проза

Б Е Р Т Ы
ЛАНДАУ

ЛЮБИТЬ

ПРОЩАТЬ

ПРОЩАТЬСЯ

Б Е Р Т А
ЛАНДАУ

ДОЛЯ СЧАСТЬЯ, МЕРА ГОРЯ

РОМАН

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л22

Оформление серии *П. Петрова*

На обложке использован портрет Берты Ландау
художника *Владимира Симонова*

Ландау, Берта.
Л22 Доля счастья, мера горя : роман / Берта Ландау. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-99644-5

Каждому в этой жизни достается доля счастья и мера горя. Свою беду надо расхлебать — так считает Тина, героиня нового романа Берты Ландау. Но сколько времени придется расхлебывать — вот вопрос. И когда наконец наступит компенсация за пережитые несчастья? Через месяцы? Годы? Или уже через год, как у Тины? Ей казалось, что она не переживет предательства мужа. Но вот прошло время — и она снова называет себя счастливой женщиной. Могла бы она в это поверить?! После целого круга несчастий — не только с ней, но и с дорогими ее сердцу людьми! За любое зло, любое предательство, любое вероломство ждет расплата. Вот к какому выводу приходит Тина через год. Но несчастьям нужно активно противостоять. Всегда противостоять — а не быть жертвой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-99644-5

© Ландау Б., 2017
© Симонов В., портрет Б. Ландау, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства.

Лао-Цзы

Пакт о нерычании

— Я ухожу. Не беги за мной. Ложись спать. В домик, в домик. Иди! Ты почему не спишь в своем домике, диво дивное, а? Иди быстро в домик!

— Уааааа! Гаааав!

— Нет, ну так мы не договаривались. Ты же обещала. Мы же с тобой пакт составили еще вчера. Ну-ка, давай еще раз: «У меня, распрекрасной собаки по имени Клава, есть собственный домик по адресу Садовая-Кудринская улица, дом двадцать три, пятый этаж, квартира со звонком, до которого я дотягиваюсь и сама звоню». Так? Было дело? Составляли пакт?

— Гаааааффффррррр!

— Подтверждаешь, значит? А что дальше — помнишь? «Я, распрекрасная и любимая собака по имени Клава, проживающая по тому же адресу, что и мой домик, обязуюсь в нем спать, когда остаюсь одна в квартире. Я не вою, не лаю, не рычу под дверью, а тихо сплю в своем собственном домике. Честно и верно». Ну? Чего смотришь? Ведь мы договаривались? Договорились. Так что иди уже, спи. И Лукаша твоя скоро-скоро придет. Нет смысла затеваться с вытьем. Тебя тут кто-нибудь

Берта Ландау

бросал? Не кормил? Не любил? Вот! То-то же! Самой же стыдно. Ну, давай поцелую на прощание. Вот так. Ой, ты же мне помаду сожрала, чудовищная любимая собака! Клава! Все. Иди в домик по-хорошему. До скорого!

Клава все-таки послушалась и залезла в свой домик. Ну, домик — это скромно сказано. Скорее, большой разноцветный мягкий терем, который пришлось шить на заказ, потому что на Клавин размер собачьи жил-площади в зоомагазине на Арбате не продаются.

Тина повернула ключ в замке и прислушалась. Пока тихо. Клава вроде бы решила соблюдать пакт о нерычании на людей, проходящих по лестничной площадке мимо дверей их квартиры. Или чуяла хитрюга, что мама еще не ушла? Ума у Клавы было столько, что Тина и Лукаша не уставали удивляться.

Появилось это смышленное существо в самый страшный период их жизни, начавшийся девять месяцев назад. Девять месяцев — срок особенный. За это время можно выносить и родить дитя человеческое. А некоторым вот удастся просто не сдохнуть и поверить, что жизнь продолжается. И это тоже великое достижение! К этим некоторым Тина, естественно, относилась прежде всего себя.

Она глянула на экран телефона и поразились: 15 июня! Ровно девять месяцев прошло с того сокрушительного сентябрьского дня, и она не только жива, но снова улыбается и даже шутит.

Девять месяцев назад

О том дне лучше не вспоминать, но пока выгнать его насовсем из памяти у нее не получалось. Тина, даже и не вспоминая, знала: в определенном месте ее души гнездятся смертельная боль и тоска. И хотя время лечит, что проверено и подтверждено самой же Тиной не раз, рана, нанесенная самым дорогим и близким ей человеком пятнадцатого сентября — девять месяцев назад? — пока не затянулась. Боль от нее еще сильна, но с ней вполне можно мирно сосуществовать.

Когда подобное случается с другими (а оно случается, и, увы, слишком часто, чтобы кто-то удивился подобной новости), так вот — когда с другими происходит нечто подобное, все воспринимается почти как норма. Ну, теперь так. Теперь — такая жизнь. Белое в один миг становится черным. И нечего из-за этого с ума сходить. Надо пережить, подняться, отряхнуться и — шагай себе по просторам дальше как ни в чем не бывало! Но это — когда с другими. А вот когда с тобой происходит такое — тут все рассуждения отменяются, разум отключается, и ничего

Берта Ландау

наперед не известно: как встать, от чего отряхнуться и зачем дальше жить, если позади пропасть, а впереди бездна?

Хорошо начинался тот сентябрьский день. Дочь Лукерья, она же Лука, она же Лушка, она же Лю, умчалась поутру в университет, а Тина с мужем проснулись часов в одиннадцать: только день назад вернулись из Греции — впервые за последний год провели десять дней вдвоем. Хорошие, мирные десять дней, без мужниных колкостей и раздражения по пустякам. Конечно, он устал, конечно, ему много приходилось тянуть на своих плечах, к тому же критический возраст: им обоим как раз минуло сорок пять. То есть по всем правилам, она, Тина, становилась «ягодка опять», а муж ее Юра должен был переживать кризис под названием «как, и это все?!». Что-то с ним явно происходило непривычное. Тина и подругам жаловалась, что Юрка стал прямо как неродной, огрызался непонятно на что, доброго слова от него не дождешься. И как бы она, Тина, ни старалась, ничем ему было не угодить. Прямо другой человек появился на месте ее любимого Юрки. Двадцать два года вместе, срослись намертво, все друг про друга знали, понимали, чувствовали, но вдруг: колющие взгляды, слова, раздражение. И обнять он себя не давал, отстранялся и иронизировал над каждым ее словом...

Устал, осознала Тина, от всего устал. Так устал, что и отдыхать не заставишь, отмахивался только, бурчал, что не до того ему.

Тина на свой страх и риск взяла тур в Грецию, а Юре об этом сказала, только когда все было оформлено: и

Доля счастья, мера горя

визы, и билеты. Отказаться бы не получилось. Нет, конечно, получилось бы, но деньги пропали бы точно. Тина внутри трепетала, когда воркующим голосом, с улыбкой на нежных устах сообщала мужу о предстоящем им совместном райском отдыхе. Но Юра на удивление легко согласился:

— А ты уже все подготовила? Ну хорошо, Тиша. Давай полетим. Пусть.

Он все двадцать два года их совместной жизни звал ее Тиша. Она любила это имя, любила слышать, как он его произносит, любила читать его записки или письма, которые всегда начинались словами «Милая Тиша, Тишенька».

Вообще-то по паспорту звалась она Валентиной. Так почему-то решили родители, когда она у них появилась. У ребенка ведь не спрашивают, нравится ему имя, которым его нарекают. Родители сами выбирают по своему вкусу, а человеку приходится приспосабливаться. В старших классах Валентина всем новым знакомым представлялась именем, которое, как она считала, подходит ей гораздо больше, — Тина. А почему бы нет? Это ведь даже более точное сокращение ее полного имени, чем Валя. Тина — четыре последние буквы, не прибавить, не отнять. Зато в этом имени чувствовался какой-то шик, ощущалась загадка.

Она здорово изменилась вместе с новым именем. И профессию уверенно выбрала — искусствоведение, и потом дело нашла по душе, в соответствии с именем. Счастливое она изобрела себе имя. Так ей казалось. А уж когда влюбилась как сумасшедшая и услышала от того, к кому ее тянуло с нечеловеческой силой: «Тиша,

Берта Ландау

послушай, что я тебе скажу. Я тебя люблю. И мы должны пожениться, Тиша. Что скажешь?» — вот тогда звуки этого имени стали восприниматься ею, как объяснение в любви. Имя Тиша, произнесенное мужем, она воспринимала как теплый светлый луч, направленный в ее сторону, луч, который защищает, дарит счастье и покой.

Вот потому-то, когда Юра сказал: «Хорошо, Тиша. Давай полетим», она решила, что все к лучшему и что все у них будет хорошо, как было прежде.

В Греции действительно было замечательно. Муж отдыхал, дремал, читал своего нескончаемого Пруста на французском (несколько лет читал; а теперь книга подходила к концу, и похоже было, что он как раз на берегу Эгейского моря и закончит свое эпохальное чтение). Тина купалась, заплывала далеко-далеко, поворачивалась на спину и любовалась небом Эллады, удивляясь тому, что по этому самому морю плавали мифические древние греки и видели ту же небесную лазурь, что и она сейчас. Такие же рыбы плавали вокруг, такое же счастье разливалось в воздухе. Жизнь казалась ей бесконечной, а все обиды — мелочными и недостойными. Она совершенно успокоилась тогда. Муж по-прежнему был замкнут, погружен в себя, но колкостей не допускал, улыбался ей по-доброму и даже порой обращался к ней так, как она больше всего любила.

Они вернулись в Москву умиротворенными, день отсыпались, Тина разбирала и стирала вещи, с новыми силами наводила порядок в доме. Еще бы — Лушка такой бардак развела за время их отсутствия! А пятнадцатого, как много лет подряд, они отправились на день рождения к друзьям, в известную театральную семью,

Доля счастья, мера горя

в которой и муж, и жена родились в один день, — тот самый, который Тина никогда-никогда не забудет. Они каждый год собирались в этом веселом хлебосольном доме, болтали, шутили, строили всякие общие планы, пили-ели всякие деликатесы и чувствовали себя великолепно.

И в тот вечер Тина хохотала до упаду. Ее всегда легко было рассмешить, а тут гости наперебой рассказывали об актерских оговорках на сцене — вот уж где можно было сгибаться в три погибели от смеха, просто рыдать. Странно, что она, постоянно имея дело с режиссерами, хорошо зная закулисную жизнь, почему-то раньше особого внимания на такие мелочи, как неверно произнесенные со сцены реплики, внимания не обращала. Что-то доводилось слышать, но, видно, настроение тогда было не то. А тут все принялись рассказывать, кто что мог. И одно за одним, по нарастающей.

Ну, про то, как вместо «Гонец из Пизы» возвестили про понятно что из Ганы — это она знала. Но в тот сентябрьский вечер до нее как-то по-особому дошло. Она представила себе, как это прозвучало со сцены и что сделалось со зрителями, и зашлась детским смехом — на радость рассказавшему. А дальше посыпалось как из рога изобилия.

Вот Онегин на балу. Вот он спрашивает у своего друга Гремина, кто, мол, та, в малиновом берете, с послем испанским говорит. Ну, ясное дело, кто. Жена Гремина, в девичестве Ларина Татьяна. Та самая. Но на одном спектакле актер, исполняющий партию мужа, почему-то на вопрос Онегина про даму в малиновом берете вместо «Жена моя» отвечает «Сестра моя».

Берта Ландау

И Онегин, которому полагалось пропеть «Так ты женат? Не знал я ране», вывел, не дрогнув: «Так ты сестрат?»

И снова Тина представила себя в зале, среди зрителей, и хохотала безудержно.

— А вот еще, — продолжал кто-то из вдохновленных ее смехом гостей. — Катерина в «Грозе» Островского должна броситься в Волгу с крутого берега. Ну, актриса прочитала свой монолог и бросилась топиться. А ей подставили не обычную сетку, а тугой батут. Прыгнула она, а батут ее подбросил. Она, естественно, показалась перед зрителями — выше скалы, с которой падала в реку. Снова упала — и снова батут ее вытолкнул. Так она периодически взмывала над скалой. Один из присутствующих на сцене актеров нашел выход из положения: «Не принимает светлую душу нашей Катерины матушка-Волга!»

Смехом Тины заразились все и наперебой принялись вспоминать.

— А помните в «Моем бедном Марате» актер должен сказать: «И заруби себе на носу!» А вместо этого он выдает: «И заруби себе на суку!» Его партнер мгновенно реагирует: «И где тот сук?»

Так они еще про тот сук потом минут пять импровизовали!

А как по ходу трагедии Шекспира «Король Лир» артистка-дебютантка от волнения вместо простых слов «Сестра писала нам» запуталась и произнесла невообразимое: «Сестра пистре (пауза) сисьмо сосала!»

После такой оговорочки ее партнер, знаменитый Мордвинов, зашелся смехом так, что занавес дали,

Доля счастья, мера горя

между прочим. И только когда зал и актеры отсмеялись, продолжилось действие шекспировской трагедии.

Естественно, не обошлось без знаменитой фразы Евстигнеева из «Большевиков». Он играл роль соратника Ленина. И должен был по ходу пьесы сказать про умирающего вождя: «Захожу, а у него лоб желтый, восковой...»

И много раз все получалось как положено. Все товарищи по партии кручинились, зал вздыхал. А однажды Евстигнеев вместо привычной фразы почему-то произнес: «Захожу, а у него жоп желтый...»

Можно себе представить, что с остальными исполнителями творилось, это ж ни рассмеяться, ни всхлипнуть!

Тина в восторге повторяла известную оговорку. Почему-то не приходилось ей прежде слышать о том прославленном эпизоде.

Когда прощались, хозяева звали бывать у них почаще:

— Тиночка, мы так любим твой смех!

Ну да, Тина больше всего на свете любила смеяться. Смех дарил ей легкость и беззаботность. И в любом случае — лучше смеяться, чем плакать. Вот она и радовалась любой шутке, не разделяя юмор на тонкий и грубый. Да какая разница, если смешно!

Она улыбалась и повторяла особо рассмешившие ее слова, пока они с мужем спускались в лифте и выходили из подъезда. Друзья жили недалеко от их дома: одна остановка на метро или три остановки на троллейбусе. Но вполне можно было и пешком за двадцать минут дойти.

Берта Ландау

Вечер стоял теплый и тихий, совсем еще летний: ни одного желтого листочка на деревьях, трава на газонах зеленая. Только вот золотые шары в палисадничке и напоминали, что осень — вот она, наступила. У Тины почему-то сжалось сердце при виде этих желтых цветов. Со школьных времен они казались ей вестниками печали, равнодушно качающие своими аккуратными круглыми головками, как бы говоря: «Да-да, осень близко, солнышко скоро исчезнет, летние радости уйдут, начнутся трудовые будни и печаль-тоска».

Тина отогнала грустные воспоминания. Где ее школа? О чем это она закручинилась? Уже и дочка на последнем курсе университета. К следующему лету получит диплом — и все, закончится для их семьи тема учения. Если только внуки пойдут. Но до этого еще жить да жить.

— Нет, это надо же! «Жоп желтый»! — вспомнила она и снова рассмеялась. — Это захочешь специально такое выдумать, так и не сообразишь! Мы как? Пешком или на троллике?

Юра молчал. Тина привыкла к его молчанию. Последние года полтора, если не больше, он как-то настолько отдалился от нее, что и не заговаривал никогда. На вопросы отвечал, порой хмыкал язвительно, но таких долгих доверительных разговоров, к которым она привыкла за предыдущие годы их жизни, тех самых разговоров, которые давали ей силы справляться с любыми трудностями, потому что есть у нее самый близкий и все понимающий человек, — таких разговоров почему-то давно у них не случалось.

Доля счастья, мера горя

— Так как? — повторила Тина? — Пешком или?..

— Я... — проговорил вдруг муж хныкающим полусшепотом, — я... я не хочу жить во лжи!

Такая непонятная фраза «не хочу жить во лжи»! Ни о чем слова. К тому же Юра их совершенно невнятно произнес, словно был в дурном сне. Но почему-то (даже сейчас, спустя столько месяцев, Тина не могла себе объяснить причину) — почему-то она тогда все-все поняла, охватила сердцем все и сразу. Не зная деталей, подробностей, она словно звериным чутьем учуяла беду — и испугалась, затосковала смертельно.

— Не надо! — жалобно попросила она. — Не надо!

И добавила почему-то:

— Я на все согласна. Только — не надо. Пожалуйста, не надо.

Проговорив это, Тина быстро зашагала по бульвару. Ей хотелось остаться одной и ничего никогда больше не слышать. И тем более — не знать. Но Юра, решившийся сказать первую — дурацкую и отвратительно лживую — фразу про свое нежелание жить во лжи, словно обрел силу, которой ему раньше не доставало. Он нагнал жену, остановил ее и, глядя ей прямо в глаза, произнес:

— Это Катя. Моя Катя. Я тебе говорил. Помнишь?

— Какая твоя Катя? — рыдая, спросила Тина. — Что я должна помнить про Катю? Когда ты мне говорил?

— Двадцать два года назад. Почти двадцать три, — с гордостью возвестил Юра. — Когда мы познакомились еще. Не помнишь? Я тебе говорил, что в школе был влюблен в Катю Гогибедаридзе. Я сразу после школы сделал ей предложение. Помнишь, я рассказывал? И она отказала.